

могли быть действительными и для рабовладельческого, и для феодального, и для капиталистического обществ; товарное хозяйство с присущим ему действием закона стоимости при наличии конкуренции, анархии производства, т. е. в условиях классового общества, имеет много общего на всем пути его развития. Очень много было сделано для оформления гражданского права для общества, покоящегося на товарных отношениях, при Юстиниане. Игнорировать значение законодательной деятельности Юстиниана — значит недооценивать роль надстройки. Отдельные сентенции, юридические положения полузабытых, иногда не имевших веса в свое время юристов II—III вв. Юстиниан сделал официальной доктриной, действующим правом (Дигесты). Поскольку товарное хозяйство стало ощущать разложение рабовладельческого типа собственности, понадобилось внести изменение и в самое понимание частной собственности. Вместо характерного для античного общества разнообразия типов собственности Юстиниан законодательным путем ввел понятие единой полной частной собственности. Во время Юстиниана старинное различие типов собственности было уже не более чем „пустым и излишним словом“, почему Юстиниан приказал: „пусть каждый будет полным и законным господином над рабом или прочими предметами“, „мы не допустим никакой разницы между собственниками“ („Nullam esse differentiam patimur inter dominos... sed sit plenissimus et legitimus quisque dominus sive servi sive aliarum rerum“).¹ Во всех юридических документах позднейшего времени полная частная собственность понимается уже в смысле юстиниановской *dominium plenum*.

Однако вводя необходимые для будущего юридические нормы, византийское законодательство на всем протяжении истории Восточно-Римской империи сохраняет институт рабовладения. Сами рабовладельцы, особенно перед смертью, часто отпускали на волю своих рабов, так как не видели в их сохранении особой выгоды для наследников. Факт нерентабельности рабства нашел отражение в признании церковью отпуска рабов на волю актом индивидуального благочестия. В то же время церковь, будучи на страже интересов собственников, предавала проклятию лиц, выступавших принципиально против рабства как института. Подобным же образом и государственное законодательство, всячески поощряя индивидуальный отпуск рабов на волю, тем не менее строго стояло за сохранение рабства как института. Рабство количественно сокращалось по мере того, как приходил в упадок рабовладельческий уклад в производстве. Но законодательство не ввело никаких изменений в правовое положение раба. Пока оставался в Византии хоть один раб, его правовое положение оставалось таким же, каким оно было во II в.² Отсутствие в законодательстве запрета рабовладения и сохранение законности права владения рабом являлось результатом не только сопротивления отживших слоев общества, но и тем, что рабство как институт использовалось и впоследствии. Юридическое сохранение рабства отчасти использовано было феодалами для оформления наиболее тяжелых форм крепостной зависимости. Еще в большей мере впоследствии понадобился институт рабства восходящей буржуазии в практике колониального грабежа.

Естественным, закономерным путем политических отношений в византийских городах-эмпориях было бы превращение таких городов, как

¹ Cod. Iust., VII, 25.

² М. Я. Сюзумов. О правовом положении рабов в Византии. Уч. зап. Свердл. педагог. инст., вып. 11, 1955.